ций, а в социальной — более левых (2, с. 215—216).

Однако организации национал-демократов отличались малочисленностью и рыхлостью. Та же Независимая группа, первоначально насчитывавшая 8 депутатов, увеличивалась медленно и в сентябре 1915 г. включала всего 15 членов (с 1913 г. в неё перешли 4 прогрессиста, 3 октябриста, националист, центрист, кадет и трудовик). Но затем начался отток: трое вернулись к земцам-октябристам, ещё двое присоединились к левым октябристам, двое — к кадетам, один — к прогрессивным националистам, трое стали внефракционными депутатами. В итоге, к февралю 1917 г. в объединении осталось лишь 5 человек (2, с. 560—562). Автор констатирует нарастание оппозиционности Независимой группы с 1915 г. и её перемещение на левый фланг Думы. Впрочем, в Прогрессивный блок она не вошла, а Караулов даже поддерживал контакты с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Собы-

тия 1917 г. окончательно развели сторонников национал-демократии. Так, Караулов принял активное участие в Февральской революции, после чего погрузился в дела казачества, а Локоть сблизился с черносотенцами (2, гл. 5—6).

А.А. Чемакин подробнейшим образом изложил противоречивую судьбу русских национал-демократов начала XX в.: делая ставку на крестьянство, их идеологи создавали, по сути, весьма вестернизированную программу, лавировали между властью и оппозицией. Это противоречивое движение показано в книге на фоне столь же противоречивой эпохи.

Примечания

¹ Амелин Г., Мордере В. Письма о русской поэзии. М., 2009. С. 103—110.

² Следует отметить, что наибольшее число депутатов-крестьян входило во фракцию русских националистов (Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 60).

Александр Пученков

Один год из жизни Города*

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

One year from the life of the City

DOI: 10.31857/S086956870006394-4

История Киева конца XIX — первой половины XX в. давно уже является предметом научных занятий потомственного киевлянина, профессионального физика-теоретика и

киевоведа Стефана Владимировича Машкевича, живущего и работающего на Украине и в США¹. Первый том задуманной им тетралогии, посвящённой истории Киева 1917—1920 гг.,

* Машкевич С.В. Киев 1917—1920. Прощание с империей. Т. 1. Прощание с империей. Харьков: Фолио, 2019. 461 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00430 и президентского гранта МД-5771.2018.6.

как справедливо отмечает автор, не является монографией в строгом смысле этого слова. Однако эта книга «абсолютно документальна» (с. 5). Она основана на впечатляющем круге источников. Автор использует документы из русской коллекции Бахметевского архива Колумбийского университета, крупнейших российских (ГА РФ, РГВИА) и украинских хранилищ (прежде всего, конечно, Киева и Киевской области — ДАК, ДА КО, но также ЦДАВО України), где отложились уникальные материалы, отражающие ход избирательного процесса, деятельность местных политических партий, национальных и общественных организаций. Особенно часто Машкевич цитирует мемуары лидеров «украинства», видных большевиков, националистов и белогвардейцев, стенографические отчёты заседаний Киевской городской думы и Центральной рады, статьи, заметки и даже стихи из местной периодики, являвшейся своеобразной «фотографией» *текущей, повседневной жизни* Киева, о которой зачастую теперь можно узнать лишь из газет. Всё это погружает читателей в неповторимую атмосферу булгаковского Города. Неоднократно Машкевич возвращается и к самому роману, уточняя упоминаемые в нём факты, рассказывая о прототипах героев «Белой гвардии», вводя в научный оборот отложившиеся в документальном фонде Дома-музея М.А. Булгакова на Андреевском спуске уникальные по своей информативности воспоминания шурина писателя Л.С. Карума, в котором трудно узнать черты Тальберга (с. 20)².

Книга написана в очерковой форме, при этом каждый очерк, охватывающий, как правило, несколько месяцев, состоит из параграфов. Поражает количество упоминаемых в ней имён, обилие персональных характеристик:

как живые перед читателями проходят В.К. Винниченко, М.С. Грушевский, С.В. Петлюра, В.В. Шульгин, а также многие прежде неизвестные киевские деятели — журналисты, учёные, гласные городской думы, ставшей поначалу центром власти в революционном Киеве (с. 19), меньшевики, доминировавшие с весны 1917 г. в Исполнительном комитете и советах, как и в целом в политической жизни города (с. 34—35). Не менее увлекательны и подробности жизни революционного Киева, описанные в книге: тут и «памятничкопад» — поспешный демонтаж статуи П.А. Столыпина 17(30) марта 1917 г., и Праздник Свободы спустя 10 дней после падения монархии, и грандиозное весеннее наводнение 1917 г., и маёвки, и небывалый энтузиазм, проявленный киевлянами в мае при посещении города «солнцем русской революции» — военным и морским министром А.Ф. Керенским, и деятельность местной Красной гвардии, и выборы в Украинское Учредительное собрание, которое так и не было создано, и многое другое.

Структурно работа состоит из двух частей, каждая из которых последовательно и подробно рассказывает о жизни города при Временном правительстве и Центральной раде — с марта 1917 г. до прихода в конце января 1918 г. (по старому стилю) войск М.А. Муравьёва. В таком объёме и в такой форме это сделано впервые, поскольку прежде исследователи чаще вписывали революционные события, происходившие в Киеве, в общий контекст политического противостояния на Украине. Машкевич же полностью сосредоточил своё внимание на Городе как таковом. Некоторые сюжеты излагаются им едва ли не по минутно.

Киев стремительно погружался в революционную стихию, свобода

и крах «старого режима» вызывали у большинства горожан искреннюю радость. 3(16) марта возникла Центральная Рада, уже 13(26) марта постановившая повесить на здании Педагогического музея, где она разместилась, украинский национальный флаг (с. 42). Впрочем, как констатирует автор, «объединить всех выдающихся деятелей украинского движения Центральной раде так и не удалось. Традиционная разобщённость украинцев дала о себе знать» (с. 39). Тем не менее, не встречая особого сопротивления, Рада всё настойчивее требовала автономии, правда, пока ещё в составе России. К лету «она не просто добилась своего, но и показала, что запреты Петрограда ей более не указ. По сути дела, в июне 1917 года украинцы захватили инициативу во взаимоотношениях с Временным правительством — и не выпустили её из рук вплоть до свержения последнего» (с. 94—95).

Среди деятелей Рады преобладали откровенные самостийники, но и они долгое время были вынуждены ограничиваться декларациями об автономии, поскольку не были уверены в поддержке населения³. Со своей стороны, ни Керенский, ни другие министры не имели ни ресурсов, ни предрасположенности как-то влиять на ситуацию на Украине и ограничивались «реактивной политикой», иначе говоря, вяло реагировали на демарши Киева (с. 95). Не желая идти на обострение, они фактически признали право Рады на власть (до начала работы Всероссийского Учредительного собрания). Позиции самостийников заметно усилились после провала «корниловского путча» (с. 150). В городе тогда «царило возбуждение, чем-то напоминавшее первые дни революции» (с. 152). При этом о том, что происходит в Петрограде, досто-

верно почти никто не знал. Наступала, по выражению автора, «горячая осень» 1917 г.

Падение Временного правительства и захват власти в столице большевиками перечеркнули все существовавшие до этого между Киевом и Петроградом договорённости. Киевские большевики поначалу не хотели порывать с украинским движением, рассчитывая встроить Центральную Раду в создаваемую ими новую политическую систему, однако их положение было неустойчиво. Кроме того, в отличие от самостийников у них не оказалось ни определённого плана действий, ни энергии и инициативы (с. 203—213).

Центральная Рада осудила Октябрьский переворот и не признала Совет народных комиссаров законной государственной властью. 7(20) ноября 1917 г. она выпустила III универсал, провозгласив создание Украинской Народной Республики на правах федеративной части России. Обеспечить создание подобной федерации, по мнению Рады, должно было однородное социалистическое правительство, что, разумеется, совершенно не устраивало большевиков. Не удивительно, что уже 4(17) ноября «шапка» популярнейшей газеты «Киевская мысль» гласила: «Гражданская война» (с. 226). По мнению учёного, компромисс между сепаратистами и большевиками стал к тому времени невозможен: Петроград обвинял Киев в поощрении «кадетско-калединского восстания», а 5(18) декабря, после резкого ответа самостийников на предъявленный им ультиматум, на заседании Совнаркома решили считать «Раду в состоянии войны с нами» (с. 286—291). Тем временем выяснилось, что смелость украинских лидеров прямо пропорциональна их способности к внутренней консолидации —

между председателем Генерального секретариата (премьер-министром) Винниченко и генеральным секретарём военных дел Петлюрой разгорелся острый конфликт, и, как это часто бывало, «даже под угрозой со стороны внешнего врага сами украинцы не смогли преодолеть свои внутренние противоречия» (с. 297).

Однако к концу года власть на Украине по-прежнему принадлежала Центральной раде, не желавшей идти на уступки. Под Рождество некто, вероятно всего, гайдамаки похитили и зверски убили лидера киевских большевиков Л.Л. Пятакова. Обстоятельства этого загадочного преступления до Машкевича никто не исследовал столь основательно (с. 300—313). Жестокий обстрел и взятие Киева войсками Муравьёва также описаны автором с исчерпывающей полнотой (с. 404—410). Тогда большевики продержались лишь три недели, а их пребывание в Городе свелось к демонстрации разнузданной силы и проявлениям массового беззакония.

Так или иначе, по словам автора, «на протяжении всего 1917 года независимость Украины даже большинством самих украинцев не воспринималась как нечто, к чему следовало бы активно стремиться». Но если до Февральской революции она представлялась немислимой, а летом подобную меру считали радикальной, то осенью 1917 г. её начали призна-

вать приемлемой, к началу же 1918 г. она оказалась свершившимся фактом (с. 331—342). И всё же «важнейшей причиной объявления независимости Украины стали мирные переговоры в Брест-Литовске» (с. 342)⁴.

В целом, фундаментальное исследование Машкевича выводит научное знание о процессах, протекавших в Киеве в эпоху революции и Гражданской войны, на качественно новый уровень. А превосходная историографическая эрудиция автора позволяет ему делать серьёзные и масштабные обобщения. Отдельной похвалы заслуживает стиль — книга читается увлекательно, хотя все сделанные в ней утверждения покоятся на прочной документальной базе. Безусловно, выход работы С.В. Машкевича следует приветствовать и ожидать продолжения этого капитального многотомного труда.

Примечания

¹ Машкевич С.В. Два дня из истории Киева (30—31 августа 1919 г.). Киев, 2010; Машкевич С.В. Улицы Киева. Ретрорепутешествие. Харьков, 2015 (Изд. 2. Харьков, 2018).

² Фрагменты этих воспоминаний см.: Каррум Л.С. Моя жизнь. Рассказ без вранья. Новосибирск, 2014.

³ Бондаренко Д.Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной рады. Одесса, 2004. С. 153.

⁴ Подробнее см.: Полторац С.Н. Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.